

Александр САФРОНОВ

ПОНТИЙ ПИЛАТ

Рассказ

Я знал одного бывшего директора детского дома, ныне покойного. Был он маленький, лысый, шустрый, с чёрной бородёнкой, глазки бегают – хотят всё видеть и всем показаться. Не хватает рожек – был бы похож на сказочного чертёнка. Живот круглый, как маленький арбуз. Алкоголик. Был он как-то пьян и рассказывал мне, как в бытность директором детского дома, чуть не пропил его до пустоты казны. Какие-то «левые» счета, материальная помощь сотрудникам. Ну, например, на мягкую мебель. Да мало ли? А дети ходят грязные, в застиранной одежде, Все в одинаковом, мальчики стрижены коротко, у девочек волосы не мытые, голоса грубые. Ну, в общем, всё, как в обыкновенном детдоме, какие мы помним с детства. Воруют, в школе хмят, в магазине хмят, их гонят от всюду, как куриц с грядки.

И вот, когда он упивался уже до бесстыдства (в том смысле, что рассказываешь что-нибудь, и уже не стыдно), он говорил мне о том, как бил этих детей у себя в кабинете. Зверств не проявлял, иголок под ногти не загонял, а так: мальчикам – кулаком в грудь, а девочкам – ладонью по щекам. Говорил он это с какой-то безнадежностью в голосе, как будто ко всему миру. И что удивительнее всего было в его рассказе – это окончание, или, вернее, продолжение:

- А Вам никогда не приходилось, - говорил он напыщенно, как все спившиеся интеллигенты, - никогда не приходилось видеть себя на Страшном Суде? ? Или, может быть, просто представить один из вариантов, как бы это могло быть? А я вот уже, почитай, лет семь, как это представляю. И стыдно, стыдно! Ну, что там будет и кто будет, Вы, конечно же, знаете: и животное, подобное льву, и бык с синими глазами, и орёл летящий, стариков дюжины с две. Но их никого не стыдно. А знаете ли, кто самый главный? Двое!

Несмотря на количество выпитого, язык директора не заплетался, а как будто опоясывал его всего – пьяного, настойчивого в своих откровениях – опоясывал, а кончиком хлестал по ягодицам.

- Двое! – продолжал он. – Он и я. Глава Его и волосы белые, как белая волна, как снег; и очи Его – как пламень огненный. Я специально выучил наизусть, чтобы лучше представить. Страшнее всего там про голос: голос, как шум вод многих. Всё бы это ничего, даже то, что спрашивает: «Ну что? – говорит Он мне. И вот я... Это самое главное. Вы только представьте. По мне, так я всем нутром это чую. Я стою вот так с поникшей головой, почти как сейчас, но разница в том, что голый я там. Такой маленький, плюгавый, с брюшком, с бородкой, с конгруэнтными ушами, ноги худые, волосатые, стою без трусов, как на призывной комиссии, и пошлее чего вообще нельзя придумать для мужского тела – без трусов и в носках. Видели ли Вы хотя бы сверху, не говоря уже про зеркало, хотя бы сверху себя без трусов и в носках? А Он такой сильный, красивый, всемогущий. Хотя сильный и всемогущий, а деток-то сирых не обижал. И все они там это понимают. И видят, кто я. И в каком я виде. И перед кем. А Он молчит. И только лев как рыкнет на меня: зачем, мол, сироток бил? А я всё стою, понунив голову. Я всё молчу.

Помню, как налил директор водки, заплакал и правой рукой, в которой держал стакан, стал вытирать слёзы, захлёбываться ими. Из стакана выплёскивалось. Износа потекли сопли, они текли по нижней губе и уже блестели на бородке, когда он стал успокаиваться и краснеть за свою слабость. Уговаривал никому ничего не рассказывать и всё спрашивал:

- Должно быть у меня белая горячка, а?